

Руунти

2020-06-03

49 мин. на чтение

Вся разноликая капиталистическая надстройка, начиная от политических идеологий, кончая СМИ и искусством, враждебна пролетариату, ибо в основе этой надстройки лежит отвратительный принцип извлечения прибыли любыми средствами. Трудно представить себе без содрогания и ужаса, на что способен капитал ради удовлетворения своих хронически растущих appetitov.... Главной жертвой этого ненасытного чудовища был и остается его создатель: пролетариат в широком смысле. Создавая и увеличивая своим трудом богатство капиталиста, пролетарий получает на свою долю гнобление и подавление своих классовых интересов. Отнимая от пролетария часть заработанного им, капитал навязывает ему для поклонения унижительные традиции и ценности. Лишая пролетария и его детей возможности развития, капитал окунает их в отупляющее, бесполезное искусство. Мрачная буржуазная справедливость и последовательность! Только пролетариат способен изменить мир. И рано или поздно придется это делать во имя спасения и справедливого коммунистического счастья будущих поколений. У пролетариата будут свои идеи и ценности, своя справедливость и свое искусство! Коммунистическое искусство не продажно, оно не создается ради благополучия автора или исполнителя... Мы рассматриваем искусство как средство классовой борьбы, как уникальный способ пробуждать несмиримое и непоколебимое классовое сознание, как возможность возвращать честных и смелых людей, будущих спасителей человечества, будущих революционеров. Произведения, которые мы будем публиковать на наших ресурсах, должны служить именно этой цели, и, надеемся, принесут пользу.

more

День был нерабочий. Руунти проснулась поздно в теплой радостной комнате, заполненной влажным светом герметичных окон. В квартире, кроме нее, не было никого. Дочь Аврора уже пять дней, как уехала с товарищами на уборку морского мусора, а муж — и самый близкий друг — погиб почти восемнадцать лет назад. С товарищами Руунти должна была встретиться только перед обедом, а до этого у нее не было никаких дел, и незачем было вставать с постели. Она с наслаждением потянулась в кровати и повернулась на живот. Заснула. Привиделся сон:

«Летняя сухая ночь; в домике с открытыми окнами играет музыка; слышны кузнечики и птицы. На постели сидят Руунти с мужем и целуются. Необыкновенно сладко целуется он сейчас. Но вдруг, в одно мгновение, — чья-то рычащая одышка, ругань, удар топором по спине мужа — сотрясение могучего тела, кашель — и целый глоток горячей мужниной крови проглотила с поцелуем Руунти и захлебнулась...»

Она проснулась от удушья, вскочила с кровати, побежала к двери, упала и разрыдалась.... Этот жуткий сон неумолимо разбудил память почти забытых страхов, болей и обид, память о том, чего уже, казалось бы, не стало, или не было никогда.

Но даже самые страшные угрозы прошлого бессильны перед волей сознания, перед силой настоящего. Бесцеремонное вмешательство прошлого в настоящее — всего лишь извращенное сохранение памяти. А память — яд в герметичной капсуле во внутреннем кармане, при умелом использовании способный лечить, а при неумелом — отравить, только лишь хранящего его. Но

Руунти относилась к трагической памяти об оскорбленном прошлом очень здраво и властно, и крайне редко попадала в такие эмоциональные ловушки бессознательного.

Отдышавшись, она воспрянула, грациозно приблизилась к настенному портрету мужа и гордо и нежно поцеловала губы любимого изображения. День, как будто, заново начался. Впереди много свободного времени, и Руунти решила выйти на улицу, прогуляться по городу до встречи с друзьями.

На город уютных квартир наступала весна. Широкие улицы и парки наполнялись людьми, но все равно было тихо. Теперь все выходные дни проходят тихо. Прежние порядки своим шумным бытом и еще более шумными празднествами привили в будущих поколениях генетическое отвращение ко всякому шуму. Сегодняшние люди разговаривают очень тихо и дома, и на рабочем месте.

- Все у Вас в порядке? - шепотом обратился к Руунти на улице незнакомый юноша.

Вопрос немного удивил ее, но сразу она вспомнила, что, не умывшись, не переодевшись, вышла из дома, словно из самого себя, и поэтому вызвала беспокойство внимательного мальчика, и улыбнулась ему.

- Все в порядке, сынок, милый товарищ, все у меня хорошо, - ответила она шепотом, погладила голову юноши, поцеловала лоб, и побежала переодеться, чуть отойдя, повернулась и помахала изумленному мальчику.

Забота человека о человеке - сознательная потребность человека, человека - составленного из идей, рожденных прогрессом, многовековой революционной борьбой за истинно гуманное, справедливое, коммунистическое будущее...

Около Руунтино дома находился большой дворец одежды, и она зашла туда, передумав переодеться в квартире, ей захотелось новой одежды. Она здесь часто бывала и знала, где висит одежда в ее стиле. Одно платье привлекло ее внимание. Это было длинное матово-серое платье свободного кроя с тремя оранжево-желтыми поясами на бедрах, на талии и под грудью. Оно было в единственном экземпляре. Руунти хотелось просмотреть еще и другую одежду в соседнем ряду, она бегло все прошла и вернулась к матово-серому. Но одновременно с ней подошла к этому платью и другая женщина, которой тоже приглянулось оно. Получился неловкий момент. Обе чувствовали, что подходят к одному и тому же платью. Ускорить шаги, и первой схватить, - нелепо, да и не в духе времени, а отвернуться и отмахнуться - похоже на унижение «соперницы», да и самой хочется носить это платье, но можно просто замедлить ход и незаносчиво-благородно уступить. Так и решила поступить Руунти: она замедлила ход, но и другая женщина явно замедлила шаги. Они улыбнулись и пошли навстречу друг другу.

- Здравствуйте! - одновременно поздоровались женщины.

Вблизи стало очевидно, что Руунти старше своей «соперницы». И снова неловко ей, стыдно не уступить. «Она красивее, моложе, а на мне это платье не будет смотреться, как на ней», - смущенно подумала Руунти и растерянно заговорила:

- Это платье Вам больше подойдет.

- Красивое платье, ткань чудесная. Не хотите примерить?

- Я приглядела похожее платье, возьму его, - прошептала Руунти, нежно прикоснувшись руки «соперницы».

- Примерьте Вы, мне будет приятно, а потом примерю я, и на ком лучше будет смотреться это платье, та и заберет его себе. Согласитесь, прошу Вас.

- Как Ваше имя? Я - Руунти.

- Витэлия. Очень рада знакомству, Руунти, - ответила Витэлия, уже снявшая платье с вешалки. - Примерьте, пожалуйста.

- Примерю с удовольствием - Вы справедливы.

Платье больше подошло золотисто-бледному образу Руунти, и досталось ей. Как везде, так и здесь одежда, не продается, а присваивается человеком по потребности. Переодевшись в туалетной у выхода, Руунти оставила запись на электронной учетной панели о присвоении платья и о пожеланиях по улучшению организации сфер общественного потребления и вышла на улицу в новом матово-сером платье.

Товарищи уже начали собираться в центре города, около территории бывшего торгово-развлекательного комплекса «Фортуна», обобщественного решением революционной комиссии еще 15 лет назад, но заброшенного за ненадобностью, и Руунти быстрым шагом направилась туда. Они с друзьями решили участвовать в расчистке территории от хлама: металлопластиковых конструкций, бетона, асфальта. В этом месте должен быть парк - уже готовы саженцы.

Легко шла Руунти по заботливому пути к светлым целям, ощущая в себе всю силу веками угнетенных, всю любовь веками оскорбленных, всю волю веками безмолвных. Очистить землю от остатков капиталистических язв и разбить парк для будущих поколений - разве не превосходное дело?! И ты, счастливая, сейчас идешь на это дело, идешь в свой выходной день, когда можешь и не идти, ведь тебя ничто не заставляет работать, ты работаешь для близких людей, для любимых городов, для всех еще не родившихся детей. С тобой целый мир товарищей, и ты идешь с ними, и ничего не страшно.

Осталось немного идти: обойти жилой комплекс на проспекте Революции, пройти два перекрестка и - место встречи. Но встреча не состоится. В назначенное время Руунти не придет и не позвонит. Друзья, чтобы не терять время, решат разделить на две группы: основная группа пойдет на запланированную работу, а двое, Кераос и его сестра Нелли, пойдут ей навстречу. По пути они услышат со двора непривычно громкий голос Руунти, интуитивно побегут в ту сторону, и увидят, как выбегающий со двора человек запрыгнет в сантехническую машину, и уедет...

...

50 лет назад до того дня, как Руунти шла навстречу товарищам, но, услышав злой и мучительно знакомый голос, завернула в проходной двор, за семьсот километров оттуда, в государстве Агарн-Рип, родился мальчик. Его назвали Алим. Тогда, после страшных эпидемий, поразивших весь мир, и развязанных капиталистическими государствами разрушительных войн, уничтоживших все остатки демократии, на планете стали лютовать религиозно-националистические порядки, вызванные теми же капиталистическими группами. Жизнь стала еще опасней и тяжелей. И в это несчастное время мать Алима, женщина светская, но неудачливая, была вынуждена подчиниться порядку и растить единственного сына как служанка будущего слуги. Отец мальчика, будучи на порядок младше его матери,

трусливый, да еще плененный идеями религиозного фундаментализма, свою единственную родительскую роль видел лишь в том, чтобы подвергать ребенка религиозному воспитанию. Он занимал нижнюю ступень в социальной иерархии, поскольку был рожден в смешанном браке, и своим религиозным фанатизмом пытался прокладывать себе путь на следующую ступень. Но неудачи преследовали его, и его сын – человек, рожденный инородной нелюбимой женщиной, рождение которого еще нужно как-то оправдать.

– Ты что, женился? – как-то едко насмехался брат хозяина рынка над обратившимся к нему с приветствием новоиспеченным отцом.

– Нет, брат, какая это жена!? Она никто, она нужна мне для дела.

– Ха-ха-ха! Для дела?! Ха-ха-ха! А ребенка тоже для дела родили?! Ха-ха-ха!..

– Ребенок нашей веры, а она никто, – нечто похожее на негодование продемонстрировал гордый отец, – иноверцы – собаки, и она, как собака, сидит на цепи.

– Ну, ладно-ладно, – заскучал брат хозяина, – я тут с людьми разговариваю. Ты спросить хотел что-то?

– Позволь к тебе обратиться. Послезавтра сына буду обращать в религию, все будет по нашей традиции, хочу тебя пригласить как старшего брата и самого дорогого гостя.

– Я буду занят, пригласи своих друзей. Празднуйте. Я рад за вас...

Но рано умер отец Алима, не дожив до пятилетнего возраста сына, и не добившись более высокого социального статуса. Алим невольно поступил в распоряжение религиозных предводителей, из него стали готовить воина. Он был способным учеником, знал все молитвы наизубок, в борьбе побеждал ребят старше себя, и очень старался, чтоб его заметили хозяева рынков и различных производств, единокордцы-единоверцы, казавшиеся ему прекрасными могучими великанами. И несколько раз его замечали, даже называли по имени.

...

Однажды – Алиму тогда было шестнадцать лет – он увидел, как мать разговаривает с каким-то мужчиной. Они стояли лицом к лицу довольно близко, мужчина заботливо что-то объяснял. У Алима от ярости помутнело в глазах, стало давить грудь, его почти трясло. Он не мог за мгновение объяснить себе, что он увидел. Но он не знал кто этот человек, и поэтому подошел вежливо. Поприветствовал по обычаям. Ответ получил неожиданный:

– А-аа! Алим! Здравствуй! Я – Серж, коллега твоей мамы, – воскликнул мужчина и потянул руку для приветствия.

«Ах вот ты кто?! Да ты никто! Раб! Иноверец! Это еще лучше!» – подумал Алим и со всей силы ударил в голову иноверцу. Серж успел заметить замах, и резко убрал голову, удар получился по касательной и слабым. Второго удара не последовало. Участвовавший во многих спаррингах Алим сразу почувствовал потенциал противника и не решился замахнуться еще, а стал отвратительно и громко ругаться и выгонять Сержа со двора, а мать – домой. Серж не стал сопротивляться. Мать безмолвно покорилась.

Дома Алим замучил мать до крайнего оупения: устроил нехитрый и жестокий допрос, заставил ее сидеть на одном месте и в течение часа слушать

бессмысленно-дурную проповедь о правильных отношениях между людьми, затем снова вернулся к допросу. Так и не дознавшись от матери никаких удовлетворительных подробностей о Серже и его роли, о целях самой матери, он стал угрожать, что убьет и ее, и Сержа. Окончательно доведя себя до истерики, он стал кричать, что мать позорит его, как позорила отца, и что если она хоть немного человек, то убила бы себя. А когда она, наконец, заплакав, сказала, что его отец всю жизнь обманывал ее, эксплуатировал, относился к ней как к животному, а сам из себя ничего не представлял, и что Алим такой же, что она не видела от них ничего хорошего, никакой благодарности за всю жизнь, тогда Алим, завизжав от обиды, крикнул: «Не говори о моем отце! Не говори! Ты не можешь его судить! Ты не достойна его! Ты не достойна меня!..» – и с дрожащим слезным лицом выскочил на улицу, бешено захлопнув дверь.

Отца он не помнил, а серый, холодный образ матери никогда не казался ему родным. Но сейчас в одной фразе матери он увидел столько несчастья, что стало больно и жалко. Вдруг мать обрела новый образ в его глазах. И этот новый, драматический образ матери не покидал его еще юное сознание весь остаток дня, он постоял с ним у подъезда, ходил с ним пару часов по улице и вернулся домой. Матери дома не было. Это даже обрадовало его. Он зашел в ее комнатку, куда всегда было противно заходить, внимательно все посмотрел, обнаружил несколько небрежных тайников, покопался в них, нашел какие-то фотографии незнакомых людей, какие-то старые предметы, но ничего, напоминающего Сержа, не было. Хотел уже выйти с комнаты, но вдруг вспомнил про компьютер, включил его, но потребовался пароль, которого он не знал, он решил, что попытается пароль у матери, и выключил компьютер. Сидя за компьютером, он случайно заметил еще один тайник, там были прокламации о забастовках и собраниях и один конверт, содержимое которого потрясло его сильнее всего, у него охладилась губы и затряслись руки. В конверте были несколько фотографий полностью нагой матери. Кто делал эти фото? Когда? Эти вопросы смешивались в сознании с глубоко личными вопросами: как выглядит женское тело, как оно пахнет, какое оно? Алим в первый раз увидел фото нагого женского тела, и это тело его матери.

Что делать с этими фотографиями? Лучше всего их сжечь; очиститься от них и забыть; мать не посмеет спросить, а если посмеет, пожалеет; нет, не посмеет. Алим еще раз посмотрел на молодое, бесстыжее тело матери и судорожно стал засовывать фотографии в конверт и положил обратно в тайник.

Эту ночь он не спал, не спал и следующую. На третий день пришел домой, когда мать была на работе, и снова забрался в тайник. С матерью он уже не мог разговаривать без раздражения, за два дня он начал ее ненавидеть, а в тайник заглядывал каждый день. Теперь каждый день и сладок, и отвратителен. Ему казалось, что над ним все смеются, и плюнули бы в лицо, если бы им было до него дело, но он никому не нужен. А мать стала любезней, даже уважительней относиться к нему.

Алим решил следить за матерью. Следил три дня. Целый день она проводила на заводе, и всегда возвращалась домой после работы, никуда не сворачивая с пути. Выяснил, что этот металлообрабатывающий завод принадлежит недружественному религиозному клану, глава которого лютый и неуравновешенный алкоголик. Серж действительно оказался коллегой матери и товарищем по нелегальной политической борьбе, одним из руководителей нелегальных профсоюзов и настоящим смутьяном, а мать – одной из уважаемых, в кругу рабочих, активисток. Сержа не раз арестовывали, пытали, а не увольняли только потому, что он был хорошим инженером-программистом и никогда не отказывался от работы. Профсоюзы были под строгим запретом, поэтому смелость Сержа взволновала Алима. Он стал следить за ним. Узнал, что у него есть красивая жена и совсем юная дочь. На третий день слезки Алима задержал огромный охранник завода и холодно

спросил, зачем он два дня ошивается возле завода. Услышав приветствие, и недослушав объяснения, охранник похлопал по плечу Алима и с насмешкой сказал:

- Давай-давай. Не ходи здесь.

- Как, «давай-давай»?! Мне нужно здесь ходить! - яростно заскрипел зубами Алим.

- Тебе не нужно здесь ходить, - с издевкой затягивая слова, сказал охранник и очень сильно толкнул Алима, одновременно ругаясь матом.

Алим еле удержался на ногах. Поправил на себе одежду и с хищным выражением лица зашипел:

- Все! Ты - труп!

- Брысь отсюда, чурка зассанная! - с таким же издевательским тоном крикнул охранник и топнул ногой.

- Урод! Быдло! - продолжал ругаться уходящий Алим.

Вот и второй враг появился у Алима на этом заводе. Много их еще будет, много, но эти двое сыграли особую роль в становлении Алима.

Несколько дней он не мог ни о чем думать, кроме мести. Особенно охранник тревожил его. Он представлял разные сценарии этого эпического мероприятия, но ни одно не мыслилось осуществить в одиночку - нужны люди, деньги, а самое главное выгода в случае успеха. Но всего этого не было у Алима, у него не было ничего и никого. Эти несколько дней он не заглядывал в материнский тайник и как будто перестал ее ненавидеть, даже стал с ней разговаривать о прошлом, которое он не знал, о ее работе и непонятной борьбе. Мать без удовольствия рассказывала о прошлом, особенно об отце, да и Алима это не очень интересовало, но о своей работе и борьбе рассказывала с удовольствием.

- Понимаешь, Алим, еще лет двадцать пять назад у мужчин и женщин были примерно одинаковые права, женщина была свободна, не во всем мире, но все же, а сейчас ужасно, очень плохо. У меня хорошее образование, я читала книг гораздо больше, чем все твои духовники вместе взятые, а они учат, как мне надо жить, а не подчинишься - избьют, или еще как-нибудь унизят, или убьют...

- Никто просто так не будет убивать, на все воля Всевышнего.

- Богатый, Алим, свою волю навязывает бедному, каждый хозяин - своему работнику, а чтобы они вдруг не стали что-то против них помышлять, эти хозяева и придумывают всяких богов и держат людей в вечном страхе, заставляют их быть покорными не только на работе, но и дома, на отдыхе, если, конечно, бывает отдых...

Сама того не подозревая мать подсказала Алиму идею, как толково отомстить, извлечь выгоду, а самое главное - какая цель должна быть при этом. Все очень просто: нужно стать и быть хозяином! Не нужно ничье благословение, ничьи подачки, ничья справедливость. Никто от своего не отдаст ничего, никто тебя не поднимет и не посадит рядом с собой. Не нужно быть наивным, нужно самому вырвать себе кусок, нужно подкопать под ближнего, если он выше тебя, нужно подчинить себе всех ближних.... От ощущения невероятного, жестокого, но веселого будущего у Алима закружилась голова.

Он презрительно посмотрел на мать и, улыбнувшись, сказал:

- Ты чокнутая! Ненормальная! Я даже не знаю, что с тобой делать.

- Ты сам у меня спросил, - абсолютно спокойно сказала мать, - а вместо того, чтобы меня обзывать, изучил бы этот вопрос самостоятельно.

- Ну ладно, ты давай - на своем месте! Я сам решу, что мне изучать.

Он стал регулярно разговаривать с матерью о политике. У нее был только один пример иллюстрации своих тезисов: завод и трудовые отношения там. Это и нужно было ему, он внимательно слушал и запоминал. Смешная картина: полуграмотный юноша водит умную женщину вокруг пальца, а та даже не догадывается. К активным действиям Алим готовился три года, за это время собрал вокруг себя четырех шестнадцатилетних парней из своего спортзала, где он уже пользовался некоторым авторитетом. Своих будущих помощников он заинтересовал примитивными смыслами, чувствуя, что до первой удачи этого достаточно, а после - пойдет цепная реакция. Помощники делали много работы: следили за некоторыми работниками-активистами, в первую очередь за Сержем, следили за начальством завода и их семьями, заводили знакомства среди молодых рабочих.... И вот, наконец, будущий владелец завода готов начать процедуру отъема собственности в свою пользу, готов на все.

...

Прохладным мартовским утром Алим с помощниками встретились у входа заводского общежития, где на девятом этаже жил Серж с семьей, а два его ближайших соратника - на четвертом и восьмом этажах. Один из них, тот, который - на восьмом этаже, жил с больной матерью и дядей в одной комнате, а второй жил один, поэтому расположился в коридоре. Алим с одним помощником вошли первыми и сразу поднялись на четвертый этаж. Ровно через пять минут те двое зашли на лестничную площадку, поднялись до третьего этажа и стали ждать. Все они были одеты в форму охранников завода и в маски. Было тихо. В это время суток в общежитии всегда было тихо - первая смена, вернувшись после двенадцатичасового рабочего дня, уже спала, а вторая находилась на заводе. Бодрствовали только старики и дети.

Алим точно знал, куда идти, не раз чертил в голове всю операцию, продуманную до мельчайших подробностей. И все получилось: четвертый этаж был отработан крайне оперативно. Кровать соратника Сержа стояла недалеко от лестничной площадки рядом с кухней, других кроватей вблизи не было. Алим подошел сбоку и, без оглядки, вкладывая всю силу, ударил укороченным тяжелым мечом в голову соратника Сержа. Удар пришелся в область глаз и оказался смертельным. Помощник сразу же накрыл жертву полиэтиленовым пакетом и сверху одеялом, и убийцы устремились к лестнице. Ожидавшие на лестничной площадке двое, услышав шаги сообщников, стали стремительно подниматься на восьмой этаж.

Здесь было сложнее. Комната второго соратника Сержа находился в самом конце коридора, нужно было идти через весь коридор, где могли быть нежелательные встречи. Первым пошел Алим без маски, за ним - двое в масках, а один остался в начале коридора, у лестничной площадки. По пути Алим, внимательно осматриваясь по сторонам, безмолвно указывал рукой на кого-нибудь, лежащего в коридоре, а идущие за ним помощники били их по головам толстыми металлическими прутьями и накрывали одеялами. Так они ликвидировали четыре уставшие от изнурительной работы, спящие угрозы.

Но одного человека Алим упустил из виду. Когда убийцы находились еще в самом начале коридора, в самом его конце из одной комнаты, где проживали три старых и больных человека, вышла двенадцатилетняя Руунти, ухаживающая за ними и, увидев идущих в ее сторону страшных людей, спряталась в разломанном шкафу в коридоре. Движение почти прозрачной девочки в конце коридора не заметил никто. Она увидела, как разбиваются головы спящих людей, оглушаясь от еле слышного звука разламывающихся в подушках черепов, но не осознавала, что происходит.

Открытость и простота жителей этого общежития, всегда помогавшие им пережить трудности легче, сыграли с ними злую шутку. Дверь в комнату не была заперта, как и дверь на девятом этаже, как и все остальные двери. Алим осмотрелся. Соратник Сержа спал слева около двери на полу, а мать – в правом дальнем углу на кровати. Дяди не было, он был на смене. Алим короткими жестами дал команду помощникам, а сам пошел к лестнице. Ждавший в начале коридора помощник, увидев его, быстро, не дожидаясь, устремился на девятый этаж.

Руунти замерла в шкафу. Она, словно обреченный обитатель этого шкафа, ветошь, вросла в него. Никому этот шкаф не нужен, значит, не нужна и она, ее никто здесь не тронет. Она не дрогнула, когда от чудовищной силы удара толстой рифленой арматуры раскрошился череп друга ее отца, не побежала и не звала на помощь, когда огромный нож разрезал несчастную шею старушки, когда-то зацелованную молодыми губами.... Руунти не шевельнулась и после того, когда торопливо ушли убийцы, и в коридоре не осталось ни одного постороннего. В ее юной, но необыкновенно доброй, голове повторялись по кругу одни и те же жуткие картины. Сквозь них она не увидела бегающих по коридору соседей с искаженными от ужаса и негодования лицами. Сквозь раскатистое эхо смертных звуков, слышных только ей, она не услышала беспомощное рыдание, тихую жалость, горячее сострадание.

Ее обнаружили соседи, когда из шкафа вытаскивали ветошь для уборки крови. Они стали ее гладить, обнимать, задавать очень много вопросов, стараясь уберечь ее психику от увиденного ею кошмара. Но Руунти молчала и внимательно вглядывалась во взволнованные благородной заботой лица. Одна женщина, заливаясь слезами и крепко прижав голову Руунти к своей груди, зашептала:

– Бедная, она к родителям хочет...

– Руунти! Руунти, ты меня слышишь?! – тихим голосом восклицала другая соседка, поглаживая тоненькую спину.

Нестерпимая догадка охватила Руунти. Она вырвалась из вдруг ставших чужими и холодными объятий и побежала на девятый этаж, к родителям. И здесь слезы, жалостные стоны: «...бедная девочка... Руунти... Руунти, не ходи туда...». «Нет! Они там! Надо бежать к ним...». Но они были убиты. Их убивали дольше. Орудующий коротким мечом не жалел руки, убивая Сержа, рубил ненавистную голову, плечо, грудь, живот.

Ну как такое познать юной девушке, как такое пережить? К облегчению соседей, Руунти наконец заплакала, долго плакала. Вечером она рассказала одному из руководителей профсоюза, хорошо знакомой женщине, о том, что видела, о том, что убийцы – охранники завода в масках, но один, главный, не похож на охранника, он – с длинной рыжей бородой без усов. Женщина вздрогнула, побледнела, поцеловала Руунти, извинилась перед товарищами за плохое самочувствие, попросив обсудить все утром, и ушла.

...

Алим все рассчитал верно. Работники завода возложили всю ответственность на хозяев завода и их охрану. Все попытки одного из активистов, матери Алима, аргументировать бессмысленность таких убийств, указать на рассказ Руунти о том, что внешность их главаря сильно отличалась от внешности охранника завода, не переубедили товарищей. Было решено начать широкое наступление: объявить бессрочную забастовку, потребовать полную денежную компенсацию семьям убитых, сокращения рабочего дня, увеличение зарплат в два раза. Отдельным решением рабочие постановили всем готовиться к стычкам и столкновениям с охраной завода.

Триумфальное начало вдохновило людей Алима, они с легкостью согласились и со вторым его планом. План был нанести удар с другой стороны: ограбить кассу с зарплатами и жалованиями и устроить так, чтобы хозяева подумали на рабочих. Таким образом, появится первоначальный капитал и существенно ослабнет будущая жертва, хищная жертва. Алим подробно разъяснил роли, выслушал предложения и заявил:

- Нет, братья, риска нет. Первыми деньги получают охранники. Они в это время все собираются в кучу как шакалы, оставляют все свои посты, стоят и ржут, пока денег ждут, а вторая смена только через день получает деньги, так что у главного входа остается только вахтер.

- А если я две гранаты кину? - спросил один помощник. - Одну кину, пока они туда-сюда, вторую кину...

- Нет! - резко возразил Алим. - Пока они - «туда-сюда», тебе нужно сбежать оттуда. Давайте еще раз, смотрите сюда! Ты тудаходишь утром и ждешь в тех кустах. Помнишь?

- Да.

- Как только инкассаторы сядут в машину, я тебе позвоню, ты выйдешь из-под куста, кинешь гранату, крикнешь «убийцы» и быстро убежишь. Ты заложишь дверь во двор, чтобы шакалы по короткому пути не могли вернуться, а ты взорвешь дверь в кассу, и вы вдвоем зайдете, и снимите все деньги. А я, как только вы взрываете дверь, начинаю стрелять по инкассаторам, тогда они сразу уедут, чтобы остальные деньги без риска были, или вызовут кого-нибудь, но главное не выйдут из машины. Так что, как только вы снимите деньги, сразу, не глядя, бегите в нашу машину. Понятно, братья?

- Понятно.... - ответили все в один голос.

Через неделю Алим с помощниками ограбили кассу. Не обошлось без жертв с обеих сторон. Алим потерял всех помощников, и сам был легко ранен, а охрана завода потеряла пятерых человек. По удачному совпадению погиб и огромный охранник, обидевший когда-то Алима. Не удалось замаскировать ограбление под нападение рабочих, в погибших охрана признала людей из недружественного религиозного клана. Дело в этот же день вышло за рамки около заводской разборки и стало приобретать очертание войны между кланами. Алим не мог оставаться в этом городе, здесь он потеряет либо деньги, либо жизнь, либо то и другое.

С большой сумкой денег он поднялся в свою квартиру взять самые необходимые вещи. С матерью не хотелось встречаться, и не пришлось, ее не было дома. Выйдя из квартиры, Алим вспомнил о старых фотографиях матери и на мгновение почувствовал то необыкновенное волнение, но оно сразу улетучилось. Он быстро вернулся в квартиру, открыл тайник матери, но не нашел там фото, а нашел письмо:

«Никогда не думала, что скажу тебе это. Я ненавижу тебя! Я ненавижу твоего жалкого, мелкого, бесцветного отца! Я ненавижу вашу поганую религию! Я ненавижу ваши традиции и законы! Вы убийцы! Мерзкие угнетатели! Будьте вы прокляты! Я буду жить, чтобы увидеть вашу смерть!

Кира»

Записка матери ошеломила Алима. Он осмотрелся и понял, что она уехала куда-то, разозлился и плюнул на материнскую короткую кровать. Затем сжег письмо и вышел. Через час он выехал из города, его конечная цель – соседнее государство Бурнэрия, где можно укрепиться и снова вернуться через какое-то время.

...

Полиция в тот же день возбудила уголовное дело по факту жестокого убийства девяти человек. Убийц стали искать среди товарищей убитых, арестовали несколько человек. А через неделю, после ограбления кассы, охрана завода передала полицейским три трупа алимовцев, участвовавших в ограблении. Дирекция объявила, что эти трое напали на завод, и были убиты охраной. Ни о своих потерях, ни об еще одном грабителе, ни об ограблении дирекция завода не заявила. Полиция переквалифицировала дело, поменяла фигурантов и ждала новой информации. Хозяева завода, на удивление полиции, не проявили никакой заинтересованности в раскрытии дела. Дело стало неинтересным, и ушло в долгий ящик.

Охрана завода сама без особых усилий выявила грабителей. Войны между кланами не произошло из-за «самодетельности четырех мудаков». Была протяженная разборка, которая в итоге разрешилась договорённостью: каждой стороне самостоятельно и независимо искать Алима, решить с ним свои вопросы, а потом передать другой стороне.

Товарищи родителей заботились о Руунти. Они дарили ей столько любви и нежности, что было немножко неловко бесконечно горевать о родителях, которых искренно уважали и помнили все жители рабочего общежития. Руунти очень скоро свыклась с положением общей дочери всех многочисленных товарищей ее родителей. И у нее хватало на всех ласки и тепла. Она мечтала быть врачом, но по законам того времени женщина не могла стать врачом, только санитаркой, она не могла также получить образование наравне с мужчиной. Поэтому Руунти училась дома самостоятельно и передавала знания младшим обитателям общежития, и в этом ей помогали все: приносили книги, водили ее к профессору на частные уроки, предоставляли своих больных для практики...

Кира переехала в общежитие и поселилась в комнате Руунти. Она часто бывала у них в гостях, когда были еще живы ее родители. Кира была хорошо образована, много читала, имела большой жизненный опыт, с ней было легко и очень интересно. Она очень скоро стала главным наставником и почти матерью Руунти. Много памяти, мыслей и мечтаний – смешных, странных, сокровенных – открывала Руунти перед ней.

– Кира, а почему нас считают отбросами?

– Кто?

– Один мальчик, Герг – он тут уже не живет – говорил, что нас считают отбросами, грязными собаками, – спрашивала Руунти в двенадцать лет.

- Нет, звездочка, мы не отбросы. В этом общежитии живут самые трудолюбивые, самые справедливые, самые честные, самые добрые люди. И когда-нибудь - ты это обязательно увидишь - все эти хорошие люди займут достойные себе места. Для этого нам нужно быть вместе, вместе со всеми, такими как мы во всем мире.

- Как мне поступить? - плачет четырнадцатилетняя Руунти. - Давид, с третьего этажа, ему всего восемь лет, дразнит меня постоянно: говорит, что видел в деревне корову, и что я на нее похожа. Ходит целый день - «корова-корова»... Ну вот, слышишь? В коридоре кричит.

- Открой дверь, - сказала Кира, - и сиди молча, пусть подойдет. Как только подойдет, мы его напугаем, - улыбнулась Кира и шаловливо подбежала к двери, и как только появился бесхитростно-пугливый взгляд в темном проеме, в комнате погас единственный источник света, а Кира железным контрольно закричала, - «что тебе нужно, Давид?!». Испуганный мальчик убежал, и потом, когда видел Руунти, прятался.

- А когда ты вернешься, мам-Кир? - интересовалась шестнадцатилетняя Руунти. - Можно я тоже с вами пойду?

- Сладкая моя, неужели ты думаешь, что нам будет легче, если ты будешь с нами?.. - тревожно отвечала Кира, собираясь на митинг.

- Я сегодня у двух людей удалила два зуба: нижний зуб мудрости и верхний клык. А еще вправила вывих руки у одного мальчика, - торопливо сообщала семнадцатилетняя Руунти, встречая с работы уставшую и растерянную Киру, - ах, если было бы у нас медицинское оборудование...

- Когда-нибудь ты станешь очень хорошим врачом.

- Кируньчик, мам-Кир, я все-таки устроилась на работу, на завод, - объявляла восемнадцатилетняя Руунти, поглаживая голову неделю как заболевшей Киры, - извини, что не посоветовалась с тобой.

- Хорошо, что устроилась, работать нужно. А советоваться не обязательно, если не считаешь нужным. Ты умная девочка, все понимаешь.

- Ты помнишь, я давно тебе рассказывала про нашего бывшего соседа, Герга? - улыбнулись разругавшиеся щеки девятнадцатилетней Руунти. - Он вернулся сюда, и работает в шестом цехе. Я сегодня его видела, он меня тоже узнал. Он такой стал умный, вежливый...

- Это такой красивый шатен, двухметровый? - усмехнулась Кира.

- Он не двухметровый, просто высокий.

- Я знаю его, моя родная, - сказала без улыбки Кира, - он из наших активистов, очень умный, смелый товарищ.

- Мам-Кир, я хочу тебе кое-что сказать, - растеряно сказала двадцатилетняя Руунти, - я переезжаю в комнату Герга и буду ее женой.

- Ой, я так рада за тебя, за вас, любимая моя доченька! - воскликнула Кира, на минуту переживая блаженные чувства Руунти. - Давайте сегодня соберемся, сделаем праздник по этому замечательному поводу.

- Мам, ты не спишь? Можно к тебе? - пришла двадцатиоднолетняя Руунти. - Ты сегодня опять ходила на работу, не ходи, пока не выздоровеешь,

пожалуйста. Слышала, сегодня парень из девятого цеха потерял сознание, и руку раздробило ему? Я вытянула, выправила, как могла, без рентгена, без всего необходимого под рукой, наложила гипс, но это все не то, надо в больницу, нормально оперировать, а дирекция отказывается оплачивать операцию и лечение. Вы будете требование выдвигать?

- Да, конечно, но это ничего не даст. Нужно теперь больше политических требований. К нам теперь многие коллективы присоединяются, из других предприятий, даже некоторые охранники и инженеры.

- Через семь месяцев ты станешь бабушкой! - по-юношески зычно заявила двадцатидвухлетняя Руунти. - Ты слышала, какой-то новый хозяин появился у завода?

- Да, слышала.

- Почему ты такая грустная, что случилось?

- Просто я ненавижу их, всех этих хозяев! Ненавижу! Если б смогла, убила бы этого нового хозяина. А от того, что ты станешь матерью, я счастлива. Это самая лучшая новость в моей жизни!..

- Как хорошо, что ты дома, - тревожно зашептала двадцатитрехлетняя Руунти, - мне надо тебе что-то сказать. Я сегодня с коляской прогуливалась к заводу. Оттуда выехала машина, а за рулем сидел тот, с бородой, тот, что маму и папу.... Он сейчас без бороды, но я его сразу узнала. Я так его боюсь, так боюсь, Я Гергу уже рассказала. Он говорит, что лучше не показываться ему в глаза, вдруг что-то заподозрит. Он говорит, что его, и таких как он, дни сочтены, что сейчас не нужно отвлекаться от общей борьбы. Говорит, что очень скоро этого убийцу настигнет революция, и мы законным образом его накажем.

В словах о муже Руунти не звучала обида на него, она очень уважала его за такую принципиальность, в них скорее звучала гордость, и это с удовлетворением заметила Кира.

- Герг абсолютно прав! Я с ним целиком согласна! Тебе нужно беречь себя и Аврору, любимая моя, нежная дочка!

Это был последний разговор между двумя по-настоящему родными женщинами, двумя личностями, между двумя матерями, между двумя борцами, между Руунти и Кирой.

...

Рано утром, перед рабочей сменой, Кира спустилась в подвал, из партийного тайника взяла несколько гранат, привязала к животу и ушла. Через час она стояла недалеко от дома Алима. Ждать пришлось недолго. Через несколько минут открылись богатые кованые ворота, появилась большая черная машина, а за ней - спортивный автомобиль Алима, сидевшего за рулем.

Представляла ли Кира этот день, этот миг, когда после тринадцати лет увидит сына, облысевшего, усталого, плохо спавшего по ночам, с глубокими морщинами на нервно-судорожном лице, но начисто бритого, элегантно одетого и по-новому, основательно властного? Хотела ли она подойти к нему, обнять его и пожалеть? Да, она хотела, она очень хотела обнять его, маленького, ненасытного сосунка, матерью которого она не имела права быть. Она хотела его обнять крепко, не отпускать, укрывать собой и скрыть от всех, и в этом единении проститься с ним, проститься с ею же рожденной, ею же

прожитой жизнью.

Автомобиль Алима еще был в воротах, когда Кира перегородила ему путь. Алим резко затормозил, остановилась и большая машина охраны. Кира оказалась между двумя машинами. Она смотрела прямо в глаза Алима, тяжелые слезы дрожали в ее застывших глазах. Алим и ждал, и не ждал этой встречи. Он несколько ночей ездил к их старому дому, но никогда не горел свет в окне их квартиры, и он не мог узнать, где мать. А сейчас мать перед ним – постаревшая, взволнованная, но такая же, как раньше, ненужная. Он невольно вышел из машины и сделал шаг навстречу, охрана уже окружила Киру.

– Алим... – голос не вышел из засохшего горла Киры, – гейх-гейх, – закашляла, и срывающимся голосом повторила, – Алим! – снова раскашлялась, пытаясь незаметно прощупать под свитером чеку, но Алим остановился и стал пятиться, – Алим, подожди! – отчаянно закричала Кира.

– Тормозните ее! Тормозните! – завопил Алим, запрыгнул в свою машину и резко с пробуксовкой дернулся с места назад. Чека была уже выдернута, когда охранники схватили Киру. Алим смотрел на взрыв из своей машины, молчал, и холодел все больше и больше. Он не мог понять ничего.

Гибель Киры потрясла все общество. Товарищи осудили политически неверный и во многом вредный шаг своего товарища, но особым постановлением отметили нравственную пользу этого поступка, служившего примером самоотверженной героической борьбы. А Руунти переживала утрату очень тяжело, ведь никто теперь не заменит ей маму, маму-Киру.

...

Алим на несколько дней погрузился в наркотическое лихорадочное иступление. В трудные моменты это помогало ему забыться и отдохнуть. Такую привычку, как и многое другое, он приобрел за годы эмиграции. Все эти годы Алим работал предприимчиво и целеустремленно. Первое время устроился продавцом на мелкооптовом рынке – продавал металлопрокат – учился тонкостям торговли, налаживал связи, но капитал свой держал нетронутым, даже немного увеличил за счет накоплений. Очень скоро он открыл свой павильон металлопроката, потом – второй. Через два года расширил ассортимент и открыл еще три павильона. Еще через два года продал все свои павильоны и складские помещения с тем условием, что эти точки продаж будут сбывать продукцию, поставленную компанией Алима, по ценам, указанным Алимом. На средства, вырученные с продаж павильонов, Алим начал крупную оптовую торговлю металлопрокатом и другими строительными материалами. Он договорился с самым крупным металлообрабатывающим предприятием об эксклюзивном сотрудничестве на три года, и стал единственным покупателем продукции этого предприятия. Этот стратегический успех был достигнут с помощью крупной взятки: десятью килограммами золота, в свое время приобретенными на ограбленные деньги. Имея на руках такие козыри, Алим углубил сотрудничество с банками, и добился почти неиссякаемых кредитных возможностей. Теперь можно было не торопиться. В начале строительного сезона он на два месяца прекратил продажи, задержал поступление металлопроката на мелкооптовые точки, накапливал всю поступающую продукцию на своих складах – возник дефицит, цены выросли – а первые три месяца, после начала продаж, металл поставлялся только пяти его бывшим павильонам, где была установлена цена на сорок процентов выше прежней. Уже спустя три года Алим стал крупнейшим продавцом строительных материалов...

Несмотря на выдающиеся успехи в организации торговли, Алим был верен своей цели, он грезил о металлообрабатывающем заводе, ради чего было и будет пролито много крови. С главарями клана, к которому когда-то принадлежал Алим, и которых больше всего опасался, договориться не получилось бы, это было ему абсолютно ясно. Два года Алим никак не проявлял себя, а через два года убил одного из главарей. Подозрение пало на хозяев завода, и в ответ был убит начальник охраны завода. Через год после этих убийств от инфаркта скончался другой главарь, а с охраной завода участились стычки и мелкие разборки. Появился удачный момент нанести еще один, вероятно, решающий удар. И Алим нанес красивый удар, но дождался еще три года, а это время использовал на создание вокруг себя выгодных ему легенд. Для низов этого буржуазно-религиозного клана Алим предстал кумиром, добившимся великих успехов, а для религиозной верхушки – молодой и настоящей силой, от которой глупо отказаться. И поэтому, когда Алим, спустя шесть лет эмиграции, приехал на встречу со вчерашним своим главарем, все его встречали уважительно, а молодые парни из нижних ступеней клана выискивали возможность быть замеченным. Алим через них пустил слух, что главарь – трус, неспособный защитить интересы всего религиозного клана, и что он, главарь, спасует перед заводскими иноверцами, в отличие от самого Алима и тех троих, семьи которых поддерживал Алим материально. И вот состоялась встреча. Главарь, обозленный слухами и нахальством выскочки, сразу начал разговор неуважительно грубо. Алим извинился перед присутствующим религиозным сановником, повернулся к главарю и объявил, что тот трус, и что таким оскорбительным тоном пытается оправдаться перед братьями.

Главарь стал уже ругаться непристойно, не подумав о последствиях, которые оказались для него трагическими. Из глубокого нокаута, полученного в результате феноменальной силы удара в висок, бывший главарь так и не вышел, а впал в кому и умер. Новыми главарями стали люди лояльные Алиму, которых он стал поддерживать и подталкивать в нужном ему направлении. А направление было одно: завод. В верхушке завода тоже происходили перемены. Три года спустя случайно погиб хозяин, основной акционер завода. Во время очередного пьянства он избил любовницу. Потом заснул. Через час проснулся, одуревший еще больше, и снова напал на нее. Она убежала и закрылась в ванной, тогда он кинул гранату в дверь, но она отскочила и взорвалась в центре комнаты, убив самого хозяина. Это событие очень рассмешило алимовцев и смягчило вражду. Алим, поняв, что пришло подходящее время, объявил, что нужен мир, и что без войны можно извлечь выгоду больше, чем войной. Он специально по этому случаю вернулся, собрал солидную делегацию и приехал к сыну хозяина с особыми почестями и уважением передать соболезнование. Они подружились. Через два года друг нового хозяина, практически выдавивший из рынка вождеденный металлообрабатывающий завод, предложил продать ему свою долю, предоставив, в качестве бонуса, мелкооптовый рынок. В течение следующих двух лет Алим скупил еще двадцать процентов акций завода и стал владельцем конституционного пакета акций. Первое решение новой дирекции состояло из двух пунктов: роспуск старой охранной структуры и создание новой; полная инвентаризация. А через год для освоения новых рынков дирекция решила увеличить объем производства и создать новые точки продаж. Это требовало немало вложений. В связи с этим, в целях ограничения расходов, дирекция приняла роковое, для своего времени, решение: сокращать штаты с распределением трудовой нагрузки на оставшийся штат работников.

Работники выступили с решительным протестом. Они отправили к дирекции делегацию с требованиями и объявили, на время рассмотрения их требований, сидячую забастовку. Дирекция отказалась пойти на уступки, пригрозив увольнением всех рабочих и закрытием предприятия. Рабочие решили

продолжить стачку и разбить лагерь возле завода. Алим приказал охране не применять пока силы, ждать, а сам уехал в соседнее государство, где у него начались серьезные проблемы с доставками грузов, несколько составов застряли на путях, была забастовка транспортников. Он ничего подобного еще не видел, на его глазах каждый день что-то менялось, каждый день к забастовке транспортников присоединялись все новые и новые профсоюзы, за несколько дней забастовки переросли в хорошо организованное политическое движение, предчувствовалась революция. Он лихорадочно пытался минимизировать ущербы своего капитала, но не удалось ему найти покупателя своих рынков и торговых центров. А три состава на путях – что с ними делать? Алим принял оперативное решение: дирекциям своих предприятий, которые, в отличие от рабочих, не бастовали, он поручил открыть все точки продаж и отпускать товары за двадцать процентов их стоимости, а сам с двумя помощниками поехал реализовывать товар, застрявший на путях. Один состав стоял недалеко от большой деревни.

Алим подъехал к самому большому хозяйству и предложил купить строительные материалы за двадцать процентов их стоимости, потом остановился еще у нескольких домов, и, больше не теряя ни минуты, направился к вагонам. Там еще никого не было, но очень скоро появились два грузовика из большого хозяйства, покупатель проверил документы на товар и рассчитался, выпросив еще немного скидки. Только началась погрузка, как один за другим начали прибывать новые покупатели. Алим не успевал со всеми переговорить, рассчитался еще с несколькими клиентами, но вдруг заметил, что из дальних вагонов ловко выносят кровельные листы, не заплатив за них. Он отправил своего помощника, там «покупатели» его избили. Алим понял, что ситуация вышла из-под контроля, теперь открыты все вагоны, и на него никто не обращает внимания, пока не обращает. Это «пока» он вдруг всецело осознал, но, не потеряв хладнокровье, оставил «покупателей» и направился к своему автомобилю, приказав помощнику идти за вторым и выйти вместе с ним на дорогу с другой стороны железнодорожных путей. У машины Алима стояли несколько юных «покупателей», он их выгнал очень грубо и медленно поехал, наблюдая из окна ажиотаж вокруг своего капитала. «Что там, интересно, в городе? – подумалось ему». А в городе было то же самое, только те два состава остались нетронутыми, их взяли под контроль сами бастующие железнодорожники. «Неужели все так закончится? – думал Алим.— Где охрана?! Где полиция?!» Где вся та сила капитала, перед которой преклонялись юные Алимь, сила, на которую опирались и которую умножали возмужавшие, решительные Алимь, сила, которую использовали и распределяли богатейшие Алимь? Осталась ли она у тебя, Алим? «Да, осталась! Осталась в моем городе, на моем заводе, в моих единоверцах. А здесь – просто ее не хватило». Здесь более ничего не задерживало хозяина металлообрабатывающего завода, кроме, разве что, одного электронного прибора.

Главный вход самого крупного в городе торгово-развлекательного комплекса «Фортуна», принадлежащего Алимь, был оформлен огромной декоративной аркой из металла и пластика. По заказу хозяина, в эту арку было вмонтировано сложное электронное устройство контроля и устранения угроз безопасности. Это была сложная система датчиков, лазерных пушек, электромагнитных излучателей, объединенная автономным программным обеспечением, способная в течение одной секунды выявить угрозу, самостоятельно расценить ее степень и ликвидировать носителя угрозы. Заказ был выполнен заключенными научной тюрьмы, расположенной недалеко от города. Алим направился туда, он решил выкупить из тюрьмы одного из ученых, с его помощью демонтировать устройство и перевезти, вместе с выкупленным ученым на свой завод. Приехал быстро. Но и тут неудача, у стен тюрьмы огромная людская масса, идет митинг, выступают освобожденные ученые.

Границу пришлось перейти пешком и добираться домой на такси. Все здесь спокойно, все работает, кроме его завода, где уже неделю бастуют рабочие. «Надо дать дополнительный выходной и поднять зарплаты, – подумал Алим». Но гнетущее предчувствие поражало его разум, ведь он видел своими глазами, как быстро может все меняться, развиваться, приобретать новые, неестественные для него, формы. «Надо срочно на завод, – решил он».

Его решение удивило и возмутило половину дирекции, но пришлось подчиниться, выдвинув ряд поправок, с которыми, впрочем, Алим не согласился:

– Не надо так делать. Нужно сделать, как я сказал! Поняли?!

– Но ведь у нас растут заказы, мы уже не успеваем, а после недельного простоя.... – в последний раз попытался возразить главный инженер. – Как мы будем справляться?

– Будем набирать еще людей, чтобы и в выходные работа не стояла, – ответил Алим, и, неожиданно развеселившись, крикнул, – тебя заставим работать! – повернулся к хихикающему главному бухгалтеру и примирительным тоном сказал, – Мы и тебя заставим работать, тебе полезно, растрясешь сало, сгонишь вес, красавчиком станешь... Не хочешь что ли?!

Все рассмеялись.

– Его надо отвести к одной моей знакомой, через месяц так похудеет, не узнаем его, если, конечно, выдержит.... – вставил нелепую реплику начальник охраны, и сам же рассмеялся.

– Ладно-ладно, отвезешь-отвезешь, – перебил Алим. – Ну все ладно, давайте, как решили, с утра же объявите этим, и пусть начинают работу. А ты, – обратился он к начальнику охраны, – всех активистов наказать! Так, чтоб задницы заныли.

Эту ночь Алим провел в своем кабинете. Он долго смотрел из окна на бастующих, собравшихся вокруг костров. Они казались счастливыми и беззаботными. «А вдруг они не согласятся? – подумал он и заметил в этот момент, что у костров стало происходить нечто непонятное ему». Ничего не было слышно, но это – спектакль, причем без сценария, здесь каждый играет свою, им же предложенную роль. Особенно поражала кульминация, когда все, казалось бы, разрозненные действия слились в одну пластику и в один крик. Этот крик был слышен и Алим, его не слышали другие участники сегодняшнего совещания, но Алим слышал. Он еще долго сидел у окна и размышлял о ближайшем будущем, и об этих людях внизу. «А у этих тварей бывают женщины красивые и, наверняка, распутные.... – проблеснула в разболевшейся голове Алима и завихрилась потупленная напряженными и целенаправленными годами звериная страсть». Но эта страсть возбудила и самые темные воспоминания, связанные с этими людьми: хруст дробящихся костей – стреляющих охранников – Киру. Стало мерзко, он плюнул в окно и отошел. «Быдло, – с отвращением подумал Алим, – все быдло!» Затем взял телефон, удобно устроился на диване, посмотрел на время и, улыбнувшись, позвонил.

– Влад? Извини, брат, поздно звоню. Очень важный разговор, – быстро проговорил Алим.

– Ничего, не сплю, брат, – ответил и замолчал сонный голос.

- Ладно, давай сразу к делу, - после небольшой паузы также быстро сказал Алим, - слышно меня?

- Да-да, слушаю, - голос оставался таким же сонным.

- Не хочешь выкупить у меня завод?

- А ты что, уже продаешь? - проснулся голос.

- Влад, я завод продаю сейчас, прямо сейчас, и если за три часа не продам, то завтра уже не буду продавать. Первым звоню тебе...

- Просто неожиданно, Алим. Я даже не думал об этом, ведь еще года не прошло, как я продал тебе свою долю. А ты из-за забастовки продаешь? А, кстати, за сколько?

- За тридцать процентов той суммы, по которой ты продал мне, база не в счет, - размеренно проговорил Алим.

- Ты серьезно? Всю свою долю продаешь? - задумчиво спросил бывший хозяин завода. - И зачем это тебе надо, из-за забастовки?

- Что мне забастовка? Кто на этих рабов смотрит?! Не будут работать - с голодудохнут! А не поймут, наших парней запустим на них, пусть тренируются. Нет, брат, я на этих животных даже внимания не обращаю. Продаю потому, что есть у меня другая тема, и нужно под это ровно столько денег, сколько я сказал. А какая тема - пока сказать не могу, - Алим хотел было еще что-то сказать, но промолчал. Молчал и Влад.

После небольшой паузы Алим ехидно спросил:

- Ну что, Владик, спишь опять? Алё-о.

- Давай завтра.... А?

- Нет-нет-нет! Или сейчас, или никогда, - засмеялся Алим.

- Просто неожиданно, понимаешь?

- Денег нет?

- Не хватает у меня.

- Хочешь, хороший совет дам?

- Какой совет?

- Бери в долю начальника своей охраны, и назови ему цену в два раза больше, и скажи, что Алим не справляется с рабочими и боится революции, как в Бурнэрии, поэтому продает. Понимаешь смысл?

- Да-да-да.... Здорово придумал, Алим! Сейчас буду решать с ним. Ты где будешь?

- Дома, сейчас домой поеду. Приезжайте туда.

- Приеду. Просто может не через три часа, а через пять....

- Постарайся через два-три, ладно, - неожиданно сурово ответил Алим.

- Хорошо. А! Да! Все хотел спросить, как у тебя имущество там, в Бурнэрии?

- Нормально всё. Будем воевать!

Через четыре часа Влад и бывший начальник охраны завода, в присутствии трех нотариусов, подписали с Алимом договор купли-продажи и передали ему мешок с деньгами, на которые Алим на следующий день приобрел пятьдесят килограммов золота.

...

Дирекция, не зная ничего о ночной сделке, исправно исполнила приказ Алима. Утром из заводских рупоров захрипел возбужденный голос:

«Трудовые люди! Дабы исполнить волю Всевышнего – Слава ему во веки веков! – и даровать милостыню рабам его, наш милосердный хозяин решил:

1. Увеличить жалование по трудам соразмерно стараниям в трудах.
2. Не выгонять ленивых, не лишать их куска хлеба, а, в сотворение милости Всевышнего, дать им возможность благодарно трудиться.
3. Выявить смутьянов! Назвавших их имена, или каким-либо другим образом помогающих охране в выявлении преступников, ждет щедрая награда!

Слава Всевышнему!

Теперь, после проявленного к вам великодушия и щедрости, вам дается полдня на освобождение и уборку территории! А первая смена сегодня же после уборки должна выйти на работу! Для получения списков работников на каждую смену подойти к главному инженеру.

Слава Всевышнему!»

Профсоюз предупреждал о возможных уловках дирекции, и поэтому рабочие не торопились освобождать площадь, тем более без решения общего собрания этого делать нельзя было, а общее собрание задерживалось из-за трехдневного отсутствия всех выбранных делегатов, направленных в другие коллективы для координации всеобщей забастовки. Для более детального уяснения позиции дирекции и для затягивания времени бастующие отправили две делегации: одну – к главному инженеру, вторую – к начальнику охраны. Делегаты никого не увидели, вернулись удивленные.

- В офисах никого не было, – весело заявил юный активист Кераос, – они все сейчас в цехах, кажется – грабят.

- А охрана? – спросил кто-то из толпы.

- Да все, все-все они – там! Ха-ха-ха! Работают как проклятые, стараются... ха-ха-ха.... Вы бы видели, как бухгалтер старается, пытается мотор неработающего фрезерного раскрутить, ха-ха-ха, – ответил Кераос.

- Хватит смеяться! Ничего смешного! – возмутился один из самых старых и уважаемых мастеров. – Нельзя допустить, чтобы они разграбили завод, товарищи!

- Что ты предлагаешь, дядя Зураб? – заинтересовались сразу несколько человек.

– Я не знаю, подождем товарищей, но так ничего не делать тоже нельзя, надо, хотя бы проследить, куда они будут увозить всё.

С мастером Зурабом все согласились, и через полчаса были организованы наблюдательные посты и мобильные разведгруппы.

Герг был одним из делегатов, выехавших к другим коллективам для координации совместных действий. Он уже третий день отсутствовал. Руунти с дочерью ждали его в общежитии, она согласилась с Гергом не ходить на митинги, ждать дома. Невыносимо тяжело ждать чего-то хорошего, когда в душу ползет нехорошее предчувствие. А Руунти уже третий день мучилась от какой-то нервной тоски. Где сейчас Герг? Все ли у него хорошо? Не случится ли с ним плохое, не арестует ли его полиция...? Эти вопросы звучали в трепетном сердце Руунти по-другому: «Ох, мой сладкий, как долго, как долго тебя нет...». «Сильный мой, смелый, все будет хорошо...». «Ой, что делать, что делать?.. что-то плохое случится... ах, как ужасно...». «Не могу больше, с ума сойти можно... вдруг что-то случилось...». «Надо все-таки сходить на митинг вечером.... Нет, прямо сейчас пойду! Оставляю Аврору у тети Анны и пойду!».

Руунти, когда твой разум томится, будто в вакууме, и каждый удар твоего сердца словно убивает тебя – твой друг от тебя бесконечно далеко, а ты бессильна его найти – стоит открыть ту дверь, куда он вышел, и он войдет, или ты выйдешь к нему – ведь он спешил, бежал к тебе, и долетел до тебя, мощным ветром срывая для тебя лучшие цветы по пути – а сейчас между вами только простое, усталое дверное полотно, кто-нибудь из вас откроет его первым.

Взяв за дверную ручку, Герг почувствовал, что кто-то изнутри собирается открыть дверь, и, потянув полотно на себя, скрылся за ним, пропуская выходящего. И Руунти остановилась, чтобы впустить открывающего дверь. Но никто не вышел, и Герг заглянул в дверь. «Вернулся! Вернулся, солнышко! Как хорошо, что ты вернулся! Я так беспокоилась...», – горячо шептала бы Руунти, прыгая в крепкие объятия любимого Герга, но слова не прозвучали, они не нужны в этих объятиях. Долго не отпускали друг друга супруги, а отпустив, снова обнимались.

– Пойдем наверх, я тебя накормлю, – наконец пошептала Руунти.

– Спасибо, малышка! Сейчас надо – на завод. Я просто сначала к вам забежал. Как наше солнышко?

– Хорошо. Тебя ждет. Сейчас она у тети Анны, со всеми своими любимыми книжками, целую стопку забрала с собой.

– Ох, как я соскучился по вам.., – непривычно горестно застонал Герг, – но нужно бежать на завод, вечером все вместе будем дома. – Он погладил лоб Руунти и поцеловал носик.

– Я тоже пойду с тобой.

К бастующим вернулись только пять делегатов, остальные пятеро были арестованы. Не теряя времени, объявили митинг. Выступили несколько человек, все они говорили эмоционально и разумно, подчеркивали необходимость экономической и политической революции, говорили, что многие коллективы уже присоединились к их забастовке, и что их коллективу досталась великая честь быть первыми. Много и вдохновенно говорили о революции в соседней Бурнэрии и о солидарности всех угнетенных. Хорошо выступил и Герг, он говорил о тех же вещах, что и другие выступающие товарищи, но закончил в воинственно-лирическом духе:

- ... Нет, товарищи, мы не дадим водить нас за нос! Дирекция объявила о якобы уступках, но поверьте, уже совсем скоро, как только их охранники уничтожат наших активистов поодиночке, они вернутся к прежней позиции, да еще и усилят гнет, а мы просто потеряем время и людей. Мы не должны отступать, и это тем яснее, что наша солидарность и решимость сегодня заставили их идти на уступки! Мы заставили – а не «всевышний» попросил за нас...

- Правильно!.. Правильно!.. ха-ха-ха, – прозвучало с разных сторон, – «всевышний попросил»... ха-ха-ха... правильно...

- Товарищи! – продолжил Герг. – Нам не нужны подачки от них, сидящих на нашем горбу, наша цель – не выгодная договоренность с капиталистами, которые ради своей прибыли, ради хорошего навару плюнут на любую договоренность! Наша цель – всеобщая коммунистическая революция, всеобщее счастливое будущее! Для этого мы должны сражаться до полной победы над капитализмом! Обязательно – до полной победы, ибо поражение уничтожит будущее наших детей, а неполная победа – будущее наших внуков! Будет трудно, но вернее пути нет, другой справедливости нет, лучшей цели нет! – в крайнем волнении Герг стал разворачивать какую-то бумажку, смятую в кулаке, и, приготовившись прочесть, обратился к участникам митинга новым, более родственным, тоном:

- Товарищи! Вот нашел слова одной старой песни, может кто-то из старого поколения знает ее, но я, к сожалению, не знаю мелодию, почитаю несколько строк.

«...Презренны вы в своём богатстве,

Угля и стали короли!

Вы ваши троны, тунеядцы,

На наших спинах возвели.

Заводы, фабрики, палаты –

Всё нашим создано трудом.

Пора! Мы требуем возврата

Того, что взято грабежом...»

- Это «Интернационал», Герг! – крикнули несколько молодых.

- Я примерно помню мотив...

- Я тоже.... – объявил вечно улыбающийся Кераос, и стал напевать. Вышло коряво, рвано, но получилось похоже....

Выступление Герга прозвучало в унисон с голосами разума всех бастующих и нравственно роднило их. По окончании речи они подтвердили свою солидарность, молча поднимая к небу крепко сжатые в кулаках рабочие инструменты. Гордое молчание этих униженных, но решительных, людей, воинственно демонстрирующих свои орудия труда как символы справедливости, и взволнованный, но убедительный, голос великолепного Герга восхитили Руунти, ее по-юношески нежный внутренний мир. Она и раньше бывала на митингах, но такого потрясающего собрания она не могла себе даже представить. Но неожиданно среди стоявших на возвышении

ораторов началось какое-то волнение. К заводу подъехали два десятка больших черных машин, из них вышли крепко накаченные и вооруженные тела бывшей охраны завода и, образовав цепочку, стали наблюдать. Бастующие не понимали в чем дело, что тут делает охрана прежнего хозяина, тревожные подозрения начали волновать уже всю толпу.... В этот момент из заводского рупора прозвучал краткий текст: «Вам дается полчаса, чтобы освободить площадь! Кто через полчаса останется здесь – прячьте задницы – будем рвать на части! Время пошло!». Начиналась паника, сумбурные предложения стали перебивать друг друга.... Предчувствие позорного поражения бросило Грега в отчаяние, он с поднятым кулаком кричал всем голосом, просил, требовал не впадать в панику, а срочно организовать чрезвычайное совещание и определиться с дальнейшими действиями. Но, казалось, его никто не слушал, в толпе уже началась толкотня.

Грег заметил, что растолкали и Руунти, он подал ей руку и с легкостью поднял ее к себе на площадку, откуда уже спустились все товарищи. И вот, возвысившись над волнами сомнения, страха и паники, встали, на виду у всех, два супруга, два родителя-борца, переполненные нежностью друг к другу, и срослись друг с другом в волшебный-долгом, сладостно-ласковым, отчаянно-нужном поцелуе. Никто в то время так свободно не целовался на виду у всех. Даже бастующие, привыкшие к нескрываемой любви Герга и Руунти, такого поцелуя не помнили. Они замолчали, оставив страх и панику, они зачарованно смотрели это любовное представление, осторожно трогавшее душевные струны каждого из них. Вдруг – громкий хлопок, Герг закашлял кровью, кровь попала в рот Руунти, она захлебнулась и с трудом откашлялась, одновременно поддерживая теряющего сознание мужа, но не смогла удержать, и он упал. Снова – хлопок, и еще раз, но на этот раз никто не упал. Всем стало ясно, что по ним стреляет охрана, началось замешательство, ловкий Кераос двумя прыжками поднялся на площадку и крепко схватив рыдающую Руунти, прыгнул вместе с ней вниз, он прижал ее мокрое от крови и слез лицо к груди, и безостановочно кричал: «Руунти, не надо!.. Герг еще может, жив!.. Я сейчас помогу ему, не плачь...»

Плачь, Руунти! Плачь еще. Пролей все свои слезы, тебе они больше не нужны! Это был твой последний поцелуй, но последняя утрата. Ты в жизни увидишь много людского горя и страдания, но плакать уже не будешь, ты будешь бороться с ними. А сейчас плачь, плачь еще. Твои товарищи никуда не ушли, они решили не отступать. Стрельба продолжалась, и они укрылись, как могли, но остались на площади у завода и увидели, как выезжающие из завода грузовики с награбленными станками были остановлены старой охраной, и как началась перестрелка между двумя охранами...

Революция победила и в Агарн-Рипе, и во всем мире. Руунти стала врачом. Героическим она была врачом, часто работала по четырнадцать-шестнадцать часов, отдавая все свои силы в борьбе с эпидемиями, бушевавшими в мире.... А через год она переехала в Бурнэрию – там во время тяжелой гражданской войны образовалась острая нехватка врачей...

...

В течение трех дней Алим продал все свое имущество в Агарн-Рипе; с вырученными немалыми деньгами и почти с восьмьюдесятью килограммами золота уехал в Бурнэрию, где шла гражданская война, но на некоторых территориях временно установились различные буржуазно-религиозные диктатуры; там он спрятал золото и нанес визит одному из местных религиозных служителей, сильно пострадавшему от террора другой буржуазно-религиозной группы и вынужденному всей семьей, и практически без имущества, сбежать в соседний край, где властвовали его единоверцы. Алим взял в жены красивую четырнадцатилетнюю дочь этого человека, отец,

не раздумывая, отдал ее за него, поскольку видел в таком женихе настоящее финансовое спасение его семьи. Так Алим, за малую цену, приобрел не только покорную жену, но и верных слуг, в лице ее двух братьев, которых обязал первым делом обучаться всяким строительным ремеслам, для будущих «больших дел», и выполнять его поручения в его отсутствие, а сам, оставив в Бурнэрии надежный тыл, отправился с женой в путешествие в места, где обитали его единоверцы. Он путешествовал в роли религиозного миссионера, ратующего за объединение единоверцев и противостояние революционным процессам, происходящим на тот момент уже во всем мире. Эта роль не только кормила его, но и укрепляла авторитет, и давала особую мудрость, присущую лишь людям, которым поклоняются бескорыстно, только ради похвального слова. За те три года, что Алим путешествовал, в мире не осталось места, где бы не победила социальная революция; все вчерашние капиталисты были поставлены в условия, когда вынуждены добывать себе пропитание собственным трудом, не было сделано исключение и для религиозных служителей.

Тогда Алим отправил письмо Революционному правительству Бурнэрии с просьбой считать обобщественное бывшее его имущество добровольно отданным им же, в поддержку революции, в виду того, что с его стороны не было оказано никакого противодействия революции в Бурнэрии, ради сохранения своих прав на данное имущество, также он просил разрешения беспрепятственно вернуться в страну и работать, вместе со своей семьей, и жить, как рядовые граждане, постскриптум он просил принять в поддержку революции небольшие сбережения его семьи. Получив приглашение на беседу с комиссаром по борьбе с контрреволюцией, Алим с женой и маленькой дочкой вернулся в Бурнэрию, и первым делом поехал к тестю, где с растерянностью и нетерпением ждали их возвращения; побыв там несколько дней и разъяснив роли каждого члена семьи в новых условиях, он уехал в столицу, оставив жену с ребенком у отца и взяв с собой, ставших настоящими строителями, братьев жены. В городе они переночевали в своем микроавтобусе, а наутро направились к комиссариату. Помощники Алима впервые оказались в столице, и не могли узреть перемены, а Алиму они были очевидны, но непонятны. Автомобилей стало меньше, а людей на улицах – больше, но громких голосов, громкой музыки и скандалов, присущих прежнему режиму, не было, зато было полно женщин, немисливо для прежнего времени просто и свободно одетых. Алим сидел в глубине автомобиля и брезгливо смотрел на чужую воодушевленную жизнь, на лица бесславных победителей вековых устоев.

– Ну что, нравится город? – мрачно спросил он попутчиков.

– А тебе?

– Раньше нравился, когда у меня тут было.... – Алим отвлекся, увидев в окне свой бывший торгово-развлекательный комплекс «Фортуна» с оригинальной аркой, никому не нужный и, казалось, навечно заброшенный, – это тоже мой объект, – сказал он, и через несколько секунд, указав на другое здание поменьше, тоскливо затанул, – и э-это тоже.

– Красиво! Людей много.... – задумчиво вполголоса сам себе говорил один из помощников, все время смотрящий в окно.

– «Людей»?!?! хйе... – начал раздражаться Алим, но его перебил водитель, другой помощник, постоянно заглядывающий на него:

– Алим, а я слышал, что будут все деньги уничтожать. Говорят, что если не будет денег, не будет и хозяев. А если они откажутся от них, как они будут жизнь налаживать? Как они вообще хотят....

- Главное, что Всевышний хочет, а не эти животные! - назидательно ответил Алим и добавил со странной улыбкой. - Они будут отказываться, а мы не откажемся, мы будем копить.

- Да-а, с большими деньгами можно...

- Поверни здесь направо! - приказал Алим, - Там, слева видишь большой дворец - нам туда.

Комиссариат по борьбе с контрреволюцией расположился на двух этажах бывшего дворца верховного правителя, целиком занятого главным комиссариатом внутренних дел. Много раз Алим бывал в этом здании, когда тут решались сложные и запутанные экономические вопросы, с учетом весомостей аргументов, много раз он предоставлял свои весомые аргументы и получал благословение на беспрепятственное развитие своего дела, и каждый раз его встречали с любезными поклонами. А сегодня в общем потоке людей никто его даже не заметил. В приемной комиссара ему пришлось ждать вызова более двух часов. Сидящий за столом комиссара морщинистый человек широко улыбнулся, затем, подойдя к стоящему в дверях Алим, необыкновенной силой пожал его руку. Перед этой неожиданной силой Алим незаметно оробел и невольно улыбнулся в ответ. Морщинистый потряс ему руку и, прищурившись, тихо спросил:

- Вы помните меня?.. Не старайтесь, не вспомните. Я когда-то работал на вашем предприятии. Меня зовут Мераб, товарищ Мераб, для Вас - гражданин Мераб, я - комиссар по борьбе с контрреволюцией. Садитесь, пожалуйста, - усадив Алима на диван и сам присев рядом с ним, комиссар деловито приступил к разговору:

- Как Вы устроились, у Вас есть, где жить в городе?

Алим ничего не ответил. Мераб на мгновение покосился на него, но продолжил прежним вежливым тоном:

- Ну, расскажите, чем Вы намерены заниматься.

Спросил бы он об этом два года назад - получил бы в ответ презрительное молчание Алима, и вдобавок был бы избит и поруган юными ортодоксами. А сейчас перед ним стоит другой Алим: не тот, которого защищали религия и капитал, а беззащитный и растерянный в злых сомнениях и отчаянных думах человек. Нет, Алима не было жалко, скорее наоборот, каждый его жест, мимика выдавали в нем недруга и вызывали антипатию товарища Мераба. Но комиссар выбрал дружески-философский тон разговора:

- Я понимаю, трудно Вам сориентироваться сейчас, а иметь четкие намерения в незнакомых условиях еще труднее. Поэтому я буду задавать конкретные вопросы, а Вы, пожалуйста, отвечайте максимально честно, - сказав это, он похлопал и потер ладони, затем встал и пересел на свое рабочее место и вновь обратился к Алим:

- Вы хорошо знаете, сейчас везде идет революция, идут фундаментальные перемены всего - Вы это видели своими глазами не только здесь, но и в своих путешествиях в разных регионах, в разных местах - люди хотят построить справедливый мир, о котором мечтало не одно поколение трудящихся, ради которого мы боролись и боремся, трудились и будем трудиться. Но, к сожалению, не везде революция идет относительно бескровно и без разрушений, в некоторых регионах мира капиталисты и их религиозная и прочая прислуга до сих пор оказывают очень сильное сопротивление, а когда чувствуют свое поражение, устраивают жуткий террор. Вот у нас, например....

Вы сюда ехали с какой стороны города?

- По Северному проспекту, мы из Трех гор ехали, - словно убаюканный ласковым голосом комиссара прошептал Алим.

- Отлично! Вы заметили по пути, в каком состоянии находятся заводы? Заметили?!

- Разбирают, кажется?

- Не разбирают, а собирают! - воскликнул Мераб, - Все теперь приходится выстраивать практически заново, с фундаментов! - помолчав полминуты и разглядывая рассеянного Алима, он сухо продолжил. - Металлообрабатывающий, с которым Вы сотрудничали раньше, был заминирован, а рабочие не знали, и когда они полностью заняли завод и устроили митинг перед запуском, бывший хозяин, спрятавшись в бункере в подвале завода, взорвал весь завод вместе с собой и шестью тысячами рабочих...

Алим ничего не ответил. С одной стороны он не понимал бессмысленного героизма хозяина, с другой стороны он нисколько не чувствовал жалости к этим шести тысячам. Это заметил внимательный комиссар, и на его лице выступила нервная брезгливость. Посмотрев прямо в глаза Алима, он с насмешкой сказал:

- А вот Вы правильно поступили, не став оказывать сильного сопротивления.... - но после этой реплики он нахмурился и до конца встречи говорил холодно. - Гражданин Алим, Вы в прошении писали, что желаете жить и работать как обычный гражданин. Кем вы хотите работать?

- Я хочу работать со своей семьей, со мной два брата моей жены, мы будем работать бригадой, они оба строители, мы можем брать небольшие подряды, можем...

- А почему Вы не хотите влиться в нормальный коллектив? У Вас большой опыт руководителя, вы могли бы сделать неплохую карьеру.

Алим задумался, минуты две ничего не отвечал, комиссар не мешал думать и, будто забыв о нем, смотрел бумаги на столе, наконец, Алим ответил ему срывающимся с контральто на хрипучий баритон голосом:

- Нет, я лучше буду - со своим маленьким коллективом... у нас есть и инструменты, и машина...

- Ваше пожертвование передано в музей - Революция не нуждается в пожертвовании!.. Ну что ж, сделаем так, - комиссар взял трубку телефона, попросил помощника зайти и продолжил разговор с Алимом, - направим вашу бригаду в систему коммунального хозяйства по сантехнической части, будете обслуживать несколько многоквартирных домов, на месте вам точно укажут, там же выделят вам квартиру. Квартир теперь много, гражданин Алим, какие угодно есть, заводы все разрушены, а жилые дома сохранились. Многие огромные палаты прежних хозяев жизни мы превращаем в многоквартирные дома, чтобы побыстрее расселить людей из общежитий. Так вот, много там сантехнической работы.... - прервав разговор с Алимом, Мераб обратился к появившемуся в дверях помощнику:

- А-а, Марк, заходи! Вот - этот гражданин. Ему нужны документы и рекомендация на работу, но только он будет работать со своей бригадой, это сложившийся коллектив, не будем усложнять. Попроси устроить их

обслуживать жилой комплекс на проспекте Революции, и попроси также, чтобы выделили две квартиры им, посмотри, чтобы одна квартира была побольше. У тебя есть возражения?.. Ну, в таком случае, гражданин Алим, – обратился он к Алиму и, увидев его побледневшее лицо, незаметно улыбнувшись продолжил, — Вы не волнуйтесь, там нет уже никаких банд, это уже не религиозный центр, а жилые дома, и живут там разные люди. Я знаю, что на Южном проспекте, как раньше назывался проспект Революции, располагались недружественные вам религиозные кланы, «иноверцы», но теперь кланы эти уничтожены, а оставшиеся отдельные их представители живут и работают как обычные граждане. Ну, и, в конце концов, местная милиция расположилась в этом же жилом комплексе. Так что, не беспокойтесь и последуйте за товарищем Марком.

Через полчаса, выполнив все поручения, помощник вернулся в кабинет и обратился к комиссару:

– Ты что, товарищ Мераб, доверяешь ему?

– Нет, конечно! – сказал в нос комиссар и, улыбнувшись удивленно-вопросительному взгляду Марка, продолжил. – Этот – уже не боец, это приспособленец, а у приспособленцев примитивна логика, поведение такого человека можно предсказать намного вперед. Пусть обоснуется пару лет. У него очень молодая жена, ее братья тоже молодые и трудовые, будем над ними работать.

...

Жилой комплекс на проспекте Революции имел огромный проходной двор с несколькими парадными арками. На первом этаже рядом с одной из арок на улицу смотрели три окна алимовской квартиры. С утра там царил тяжелая атмосфера. А началось все с ночи, когда вернувшись домой после шестичасовой игры в карты, Алим заглянул в висящую в прихожей сумочку жены и обнаружил два абонемена на занятия бальными танцами на имя жены Надины и дочери Фриды. У него охладели губы и в горле стало горячо пульсировать. Он тихо приоткрыл дверь в спальню – жена давно уже спала. Угрюмо рассматривая ее, он представил, как тащит ее с постели за волосы, кидает на пол и бьет ее ногами, но не стал этого делать. Какая-то хищная лень овладела им, не хотелось даже кричать и оскорблять, только взгляд его рычал и скалился. Алим давно уже чувствовал усталость, тяжелую сытость жизни. Сколько всего он видел в своей жизни, сколько всего пережил, сколько всего, казалось бы, он знал, но вдруг к нему пришло осознание того, что он не знает собственную жену и родную дочь, осознание того, что вырывая кусками и проглатывая все то, что казалось ему лучшим и важным в жизни, он остался голодным, остался ни с чем, только ядовитая тошнота перевернувшего самосознания беспрестанно отравляет его последние силы.

Алим закрылся на кухне, распахнул весеннее окно и, глубоко вдохнув ночную прохладу, устало опустил на стул у окна, с минуту сидел в оцепенении, затем достал из внутреннего кармана миниатюрную трубочку и закурил какого-то особого сорта наркотик. В пьяном бреду он стал воображать, как постоянно горбившаяся Надина и полненькая Фрида на этой небольшой кухне неуклюже кружатся в вальсе. Эта причудливая картина рассмешила его, но вдруг он подумал, что ведь не на его же кухне будут танцевать жена и дочь, и не друг же с другом.... Стало нервно и жутко голодно. Алим судорожно достал из холодильника какую-то вкусную сладость и съел ее, но, не насытившись этим, съел все вкусное, что было в холодильнике. Наевшись, он впал в состояние безмерной грусти, вспомнились ему первые ночи с юной Надиной, страстно взволнованной и бессонной, она была похожа на пружину. А как она трепетала перед ним, а какой была наивно рассудительной, а какой бывала гордо

преданной на людях.... Все это было тоскливо и скучно вспоминать. Алим никогда не уважал свою жену, не считал ее себе равной, даже не любил, несколько раз жалел ее, но не любил. Так заглядывая в память, словно в желто-коричневый калейдоскоп, он незаметно просидел всю ночь. Долгий, влажный рассвет нерабочего дня окончательно обессилел его, возникло невыносимое желание спать. Он решил отложить на вечер разговор с женой и идти спать.

Оставив окно открытым, Алим ушел из кухни. В спальню он вошел с грохотом. Надина явно проснулась, но притворилась спящей. Алим заметив это и придав голосу ласковый тон сказал:

- Просыпайся, вставай! Мне нужно ноги мять перед сном.

Надина безмолвно встала, одновременно завязывая на голову платок, и присела у невымытых ног мужа. Вдыхая через раз потяжелевший воздух возле алимовских ног, она покорно исполняла его волю.

- Пятки лучше массируй... вот так, - приказал засыпающий Алим. Но Надина зря рассчитывала, что муж уснет, и она спокойно займется своими делами. Как только она прекратила массаж, полагая, что он уже спит, Алим бодро спросил:

- Куда вы с Фридой собираетесь идти сегодня?

- Фрида пойдет с подругами на посадку деревьев...

- Куда? Какие деревья? - сухо прервал Алим.

- Вместо «Фортуны» хотят разбить парк.... - неуверенно ответила Надина и, заметив холодный взгляд мужа, стала усерднее массировать ему ноги, но это не отвело от нее следующего вопроса:

- А ты что будешь делать? - спросил Алим, и убрал ноги на кровать.

- Дома буду....

- А что одну ее отпустишь?

- Я вообще-то тоже думала идти, заодно посмотрю, может что-нибудь для дома найду, - опущенной головой ответила Надина, а, подняв взгляд, увидела быстро приближающуюся пятку мужа. Удар пришелся ей в лоб и получился не сильным, но она не устояла, отлетела от кровати и упала, сильно ударившись головой об угол комода. Алим подумал, что она потеряла сознание, и подошел к ней. Поддержав ее плечо и убедившись, что все с ней в порядке, он крикнул:

- Вставай! - он поднял ее и кинул на коврик. - Сядь здесь! Чего развалилась?! - сев в кресло у коврика, Алим с улыбкой подтолкнул Надину ногой, - Ну, сядь!.. Вот так!

У Надины был очень жалкий вид. Но Алим не мог жалеть, он мог только унижать ее, хоть она молчала и, казалось, не замечала его провокаций. После некоторых оскорбительных речей он приступил к излюбленной пытке: к проповеди, к самой невыносимой пытке, которую он практиковал. Это он мог делать часами, доводя жертву до состояния сумасшествия, но ему помешала Фрида. Она проснулась поздно и быстро стала собираться на встречу с друзьями, с которыми должна была идти на посадку деревьев, но, открыв холодильник, чтобы положить с собой приготовленные с вечера яства, увидела, что там ничего не осталось. Она подумала, что может мать уже положила в свою сумку, и тихо постучала в дверь родительской спальни,

чтобы спросить у матери.

- Мама, можешь на минуточку выйти?

- Сейчас выйду, моя красавица, - быстро проговорила Надина, обрадовавшись возможности прервать кислотный монолог Алима, но от этого тот так разозлился, что схватил светильник и кинул в дверь. Надина не испугалась, она встала, с отвращением посмотрела на бессильно-деспотичную физиономию мужа и быстро вышла из комнаты, и, пока Алим в ярости крушил комнату и кричал оскорбления, они с Фридой убежали на кухню и закрылись.

- Мама, что случилось? Почему он так злится?

- Узнал про «Фортуна», - безнадежным голосом ответила Надина, - это он про танцы еще не знает....

- А что в этом такого?! Почему он считает, что мы не имеем права....

- Сладенькая моя, не обращай внимания, он скоро пойдет по своим делам, и все забудет. Давай лучше приготовим тебя к выходу. Я сегодня не пойду, сходи одна, ладно. Ты взяла еду?

- Нет, в холодильнике нет ничего. Я думала, ты положила....

- Как - нет?! - побледнела Надина, стала смотреть по сторонам, и только тогда обнаружила на столе пустую грязную посуду от искомой еды.

Весь вечер Фрида с матерью, вдохновенные приятными ожиданиями комплиментов от друзей, готовили красивые и вкусные блюда, сами даже не пробовали, ждали завтра.... Надина от неожиданности опешила, Фрида тоже была растеряна.

- Мама, это.... это папа все съел?! - еле сдерживая слезы, спросила Фрида. Надина ничего не ответила ей, она стояла, держась за голову, и что-то бормотала про себя, но вдруг решительно выпрямилась и пошла к двери. В тот момент, когда она взялась за ручку, со стороны коридора Алим сильно дернул дверь, от чего стало очень больно руке, особенно тонким пальцам Надины. На мгновение их взгляды встретились, Надина снова растерялась, и Алим оттолкнул ее.

- Что лезешь под ноги!? - крикнул Алим на нее и обратился к дочери:

- Вы куда, овцы, собрались? Позорить меня хотите?! Танцевать хотите, собаки!? Ноги ваши переломаю, головы оторву!

- Ты сволочь, Алим! - впервые в жизни на него крикнула Надина. И это был отчаянный крик, это был громовой крик, - Ты ненавидишь нас! Ты хочешь нашей смерти! Ты нас ненавидишь! Теперь и я тебя ненавижу! Сам ты - овца! Сам ты - собака! Свинья! Свинья! Все у ребенка сожрал, свинья! Свинья! Все у ребенка сожрал!..

Алим хотел ее ударить, но на него с громким плачем и мольбами набросилась Фрида, он с трудом освободился от ее цепких объятий и снова устремился к жене, бежавшей к выходу. Догнав ее и кинув на пол, он стал ногами избивать ее и укрывающую ее дочь. Они громко плакали и кричали, а он ругался, хрипел и фыркал.... Но в самый горячий момент этой отвратительной сцены послышался в открытом окне сигнал алимовской машины. Это братья Надины приехали за Алимом. Услышав сигнал, он прекратил избивание, приказал им молчать. Через пять минут один из братьев позвонил в дверь, решив, что Алим

мог и не услышать сигнала.

- Заткнитесь, твари! Сидите тихо! – хрипло прошептал Алим и, приоткрыв дверь, высунул голову и сказал брату жены:

- Сейчас приду, ждите в машине.

Закрыв дверь, он снова зарычал на жену и дочь:

- Сидите дома, твари! Никуда не выходите! Поняли!?

...

Алима за дверью его квартиры ждали не только помощники, его ждала неожиданная встреча. Прижавшись к стене у входа в дом, словно прячась от страшной встречи, стояла напуганная женщина в сером платье с тремя ремешками. Это была Руунти. Услышав громкие голоса и узнав в одном из них голос своего врага, убийцы ее родных людей, Руунти спряталась у подъезда, сама себе не представляя свои дальнейшие шаги. И когда Алим, выйдя из дома, направился в сторону выходной арки, ведущей на улицу, где его ждала сантехническая машина, Руунти вышла из укрытия и металлическим голосом крикнула ему сзади:

- Алим! Убийца! Помнишь Сержа?! Помнишь Киру?! Помнишь мою маму?! Помнишь тех людей, которых ты убивал в общежитии?! Помнишь, убийца?! – в полупустом дворе эхо ее голоса разнеслось с ужасной силой, раздалось эпическим громом в напуганном сознании Алима. Он быстро посмотрел по сторонам и убежал на улицу.

Минуту спустя во двор забежали Кераос и Нелли, его сестра. Они стали обнимать и целовать трясущуюся Руунти. Она им рассказала о том, что произошло только что. Кераос предложил Руунти вместе с Нелли идти к себе домой и ждать его прихода, а сам побежал в милицию. Через три часа он вернулся. О происшедшем за это время рассказал коротко и весело, и начал он с самого главного:

- Этот Алим убит, а его помощники арестованы!

- Ты видел?! Как это было? – с азартом спросила Нелли.

- Нет, момент его гибели я не видел, но произошло это в «Фортуне», и наши всё видели, они мне и рассказали, как он погиб. Значит так это было. Сначала была погоня, эти трое пытались уйти на машине, но не смогли, тогда машину бросили у «Фортуны», и пытались убежать в разные стороны, помощники этого Алима сразу сдались, а сам Алим побежал на территорию «Фортуны» – ведь там много людей – вероятно, хотел скрыться в толпе, но прямо у входной арки упал и умер. Оказывается, в этой арке была когда-то вмонтирована вооруженная автоматическая система охраны, с всякими датчиками и лазерами, и вот она и убила этого Алима. Товарищи говорят, что, скорее всего, датчики сработали на агрессию или что-то похожее, и поэтому произошел автоматический пуск лазеров, которые и прикончили его...

- Да-а, хорошо, что за столько лет никого не убила эта страшная штуковина, – с восторгом сказала Нелли.

- Там было все обесточено, только сегодня для каких-то работ включили ток, притом только на этом участке. И вот как вышло... Невероятная фортуна...

Руунти стало необыкновенно легко и спокойно. Она подошла к открытому окну, закрыла глаза и долго улыбалась.

Нелли продолжала расспрашивать Кераоса, но тот уже неохотно рассказывал, и очень скоро они замолчали и с удивлением стали смотреть на странно улыбающуюся Руунти. Им была непонятна эта улыбка. Они не могли знать, что сейчас Руунти вспоминает живые слова Герга: «Сладкая моя, дни этого негодяя, и таких, как он, сочтены. Сейчас нам не нужно отвлекаться от общей борьбы. Тебе нужно быть осторожной, не попадаться ему на глаза, вдруг что-нибудь заподозрит. А очень скоро этого убийцу настигнет революция, и мы законным образом его накажем...».

- Пойдемте, погуляем, - юным голосом воскликнула Руунти, заметив беспокойство друзей, - мороженное и пирожное поедем... Согласны!?..

ЭПИЛОГ

- Алё, мам? Тебе удобно говорить?

- Алло, Аврора?! Конечно, доченька. Я так рада тебя слышать! Как ты там? Как у вас работа идет?

- Все хорошо, мам, только работы много. В море столько мусора! Как могли люди производить так много мусора?! Мы убрали один пляж и старую пристань. На следующий день пляж такой же чистый и остался, а пристань - это просто какой-то кошмар - глубина мусора более двух метров. Техника целый день убирала, увезли триста больших грузовиков мусора. К концу дня осталось немного мусора, и уже была видна вода, но на следующий день - почти то же самое, и так каждый день. Мы наверно на этот раз до конца не справимся. Придется еще раз ехать, а может и не раз....

- Я горжусь тобой, доченька! Вы делаете важное дело! Я горжусь вами!

- Спасибо, мамочка! Какая сейчас дома погода? Здесь - жара.

- С утра было сыро, не было видно теней, а сейчас - солнце, и видны тени. Тени - это краски ночи, это сама ночь. Смотри как интересно: чем ярче светит солнце, тем четче и глубже видна ночь.

- Да, действительно, мам.... Правда, ведь так и получается. Какое у тебя интересное наблюдение! А как ты себя чувствуешь?

- Прекрасно, любимая! У меня все очень хорошо!..

Автор: Ваган Казарян

[ВКонтакте](#)

Оригинальная статья